

Этот странный человек появился у меня в один ясный майский день — вошел степенно, словно агент по продаже швейных машин.

Помнится, в тот день с запада дул легкий ветерок. Западный ветер дул с моря, и небо было необычайно чистое. Все дома разом распахнули настежь свои постоянно запертые окна и обнаружились, словно торопясь поскорее смыть с себя смоговую грязь. К несчастью, я не могу сказать, чтобы мое душевное состояние было таким же безоблачным, как небо. У меня в комнате все обстояло иначе. Она задыхалась в клубах табачного дыма, однако окна в ней были закрыты и наглухо завешаны плотными шторами, и освещала ее только настольная лампа.

Чего может ожидать торговый агент, рискувший пробраться в столь мрачное логово?.. При обычных обстоятельствах это все равно что наступить на хвост спящему тигру. Клиент воспользуется случаем сорвать на бедняге свою

злость, и тому придется удирать сломя голову под градом отборных оскорблений. Ведь у торговых агентов нет при себе ничего, кроме самого мирного на свете оружия: трех вершков хорошо подвешенного языка.

Но этот человек не был торговым агентом. Не знаю, возможно, у него и вправду не было при себе никакого оружия, кроме языка. Но ведь все зависит от того, как таким оружием пользоваться. Ведь я по природе своей из тех, которые тонут в стакане воды. Тем более что в тогдашнем моем состоянии я был решительно не способен изображать из себя тигра. Если и было во мне что-то тигриное, то разве пожелтевшее от треволнений лицо да еще полосатая пижама, которую я по неряшлиности забыл переодеть. И сроду не имел я хвоста, наступив на который можно было бы исторгнуть у меня брань и угрозы.

Что и говорить! На душе у меня кошки скребли. Я сидел и с трепетом ждал. Сощурившись, втянув голову в плечи, я ждал появления злого вестника и свершения несчастного события. Я был раздавлен, справиться со мною в таком состоянии ничего не стоило с помощью даже одного вершка языка. И диковинный посетитель с успехом воспользовался моей слабостью.

И ведь как поразительно все совпало! Умышленно? Случайно? Нет, конечно же, так было задумано. Едва по радио закончили в третий раз

передавать экстренное сообщение о мягкой посадке ракеты на поверхность Марса, как в прихожей раздался звонок и мое сердце, которое исходило кровью, разом вспыхнуло и обуглилось, как птенец в пламени пожара.

Я слушал затаив дыхание. Шум раздвигаемой фусума в гостиной... шаги жены по коридору... какие-то они зябкие, словно она вылезла из холодильника... затем негромкие голоса... она возвратилась, без стука скользнула ко мне в комнату и с упреком проговорила, уставившись на меня:

— Там тебя хотят видеть, что-то насчет марсиан...

Что же будет дальше? Вот сейчас я пишу. Но на что мне можно рассчитывать? Во-первых, я даже представить себе не могу, каким образом эти записки попадут к вам в руки. А если и попадут, вы сочтете их бредом сумасшедшего. Сочтете, это уж точно. А если вы паче чаяния один из них? Тогда, наверное, вы уже смеетесь над бедным шутом... Ну что ж, мне придется по-прежнему терпеть эту бессмысленную муку. Так я расплачиваюсь за свою извечную мягкотелость. Но враг вы мне или союзник — у меня нет иного выхода, и я покидаю убежище самоутешения, чтобы смело взглянуть в лицо судьбе.

...Молю Небо, чтобы записки эти попали к такому же ЧЕЛОВЕКУ, как я, к ЧЕЛОВЕКУ в том смысле, какой имеет в виду любая энциклопедия, как это понимает каждый!..

Впрочем, даже если мои надежды исполнились и эти записки читает ЧЕЛОВЕК, у меня все же недостает оптимизма полагать, будто это обстоятельство само по себе делает его моим союзником. Положение, в котором я очутился, до крайности необыкновенное, пожалуй, даже и нелепое. И пусть вы, на мое счастье, оказались ЧЕЛОВЕКОМ — я все равно сомневаюсь, окажусь ли я ЧЕЛОВЕКОМ в вашем восприятии.

Но ведь только кривое зеркало всегда дает кривое изображение, это же логика! Правильное изображение в кривом зеркале свидетельствовало бы о нарушении логики. Возможно, где-то за пределами евклидова пространства параллельные линии перестают быть параллельными, но поскольку наша жизнь протекает в эмпирической сфере...

Ну довольно. Излишние оправдания только усиливают подозрения и выставляют меня в невыгодном свете. Я могу сколько угодно кичиться своим здравомыслием — толку от этого будет мало. Пока же мне было бы достаточно, если бы вы согласились признать кривое зеркало кривым.

Вот, например, вы. Если бы от вас потребовали представить вещественные доказательства того, что вы являетесь подлинным ЧЕЛОВЕКОМ... наверняка вы бы рассердились или рассмеялись. И правильно. То, что человек есть человек, является неким изначальным условием, не требующим доказательств. Как аксиома о параллельных. Аксиомы в отличие от теорем потому и аксиомы, что доказать их невозможно. Состав крови, рентген и все такое — это лишь атрибутика, которая имеет смысл только при наличии изначальной аксиомы.

А теперь представьте себе безумный суд, для которого любые словесные объяснения логически неприемлемы. Суд безумный, но не настолько либеральный, чтобы признавать невиновность на основании одного только голословного отрицания вины. И вот вас привлекли в качестве подозреваемого, а судей могут убедить лишь такие доказательства, которые можно пощупать руками.

...«Представьте себе», — говорю я. Нет, не для того, чтобы просить вас быть моим адвокатом. Это было бы наглостью с моей стороны. Но если паче чаяния вам будет уготована та же участь, тогда пусть вам придется претерпеть такие же муки, чтобы в полной мере восчувствовать ее несправедливость!..

А теперь, отдавшись на вашу волю, я продолжаю рассказ. Итак, жена возвратилась и с упреком сообщила мне о цели визита моего гостя.

— Там с тобой хотят поговорить, что-то насчет марсиан...

Фантастическое сообщение, за пределами здравого смысла, не так ли? Вы, наверное, уже предполагали что-либо подобное, что должно было вызвать у меня, и без того измученного черной меланхолией, взрыв негодования. Раз вы видите меня насквозь, то должны были предположить именно это. Но никакого взрыва не последовало. Я только молча взглянул на жену. Некоторое время мы словно в оцепенении глядели друг на друга, как должники, к которым ворвался кредитор.

И в каком-то смысле так оно и было.

Обычно на лицах людей отражается профессиональная заинтересованность. То же произошло и со мной... Видите ли, дальше мне при-

дется рассказать о своих делах. Посторонним подобные вещи всегда кажутся скучными, но в данном случае заинтересованным лицом являюсь я сам, так что ничего не попишешь. А дела мои были в крайне плачевном состоянии.

Надо сказать, что в одной радиокомпании я вел в качестве драматурга постоянную программу «Здравствуй, марсианин!», передававшуюся по воскресеньям с одиннадцати до полдвенадцатого утра, и это приносило более половины всех доходов нашей семьи. Стараниями моими мне удалось добиться определенного успеха — я получал ежедневно не менее двух десятков писем от слушателей. Так я обеспечивал наше существование в течение почти двух лет... Но когда была запущена на Марс эта ракета, все совершенно переменилось.

Впервые я ощутил эту перемену в середине позапрошлого месяца. Тогда сообщили, что произведена коррекция положения ракеты на орбите и на повестку дня встал вопрос о результате запуска. И вот однажды заведующий редакционным отделом бросил мне в коридоре мимоходом:

— Можете теперь передавать ваши шуточки прямо марсианам...

Поистине, ничего особенного в этих словах не было. И если судить по тону, никакого скрытого смысла они не содержали. Но они все равно

открыли мне глаза на истинные намерения компании в отношении моей программы и уязвили меня сильнее, нежели грубое, циничное предупреждение.

Впрочем, подобные демонстрации больше не повторялись. Однако успокоить пробудившуюся настороженность не так-то просто. Я вдруг обнаружил, что не слышу больше критических замечаний, указаний, советов, от которых раньше отбоя не было, как от воробышного гама по утрам, и в которых мешались самые противоречивые мнения. Мой режиссер сделался вдруг до невозможности уступчивым, совсем перестал припоминать, что я опаздываю с очередной работой и прочие провинности, и во всем со мной соглашался... Несомненно, меня ожидал жестокий приговор и, каков бы он ни был, в нем отражалась чья-то неумолимая воля.

...Вообще говоря, я не собирался так легко сдаваться. У меня тоже было что сказать по этому поводу. Да, ракета, предназначенная для мягкой посадки, наверняка представляла собой нечто новое, качественно отличное от прежних, просто наблюдательных ракет. Да, с ее помощью должно было состояться прикосновение Земли к шкуре непостижимого Марса. Все это я готов признать без малейших колебаний. Но ведь отсутствие высокоорганизованной жизни на Мар-

се было с очевидностью установлено еще «Маринером-4»! Красная планета, планета молчания и смерти, планета пустынь и инея из замерзшей углекислоты... Ну кто же в наше время может серьезно говорить о существовании марсиан!

А теперь подумайте вот о чем. Есть ли в мире хоть один читатель, который воспринимает, скажем, «Путешествия Гулливера» Свифта как реалистическое произведение? Если и есть, то это, конечно, какой-нибудь помешанный с извращенным воображением. Фантастичность «Гулливера» является изначальным условием, лежащим за пределами дискуссий. Совершенно так же и мой марсианин (вы, несомненно, согласитесь с этим, если хоть раз слышали нашу программу) — в конечном счете своего рода современный мистер Гулливер, фантастический персонаж; оценивая людей совершенно иными мерками, он старается открыть им глаза на то смешное и нелепое, чего сами они невольно не замечают... Но раз уж он персонаж фантастический, то разве не более под стать ему быть марсианином, о котором уже решено, что он не существует, чем марсианином, насчет которого строятся неуклюжие догадки?

Поэтому, если бы на меня давила только администрация радиокомпании, я бы не упал духом до такой степени и уж как-нибудь пережил

бы все эти неприятности. Конечно, с моей стороны смешно было бы рассчитывать на то, чтобы переубедить нашу чиновничью братию, которая никак не может взять в толк разницу между фантастикой и реализмом. Но у нее, у этой братии, имелось слабое место: простодушная убежденность в том, будто все решается в конечном счете одним-единственным индикатором, и индикатор этот — благосклонность радиослушателя. И пока тревога начальства — эгоистическая тревога о том, что марсианская ракета нацелена прямо в моего марсианина и может нанести ему смертельную рану, — не нашла себе явственного подтверждения в показаниях этого индикатора, до тех пор у меня еще оставалась возможность гнуть свою линию. Если вы полагаете, будто реально существующая ракета способна поразить фантастического марсианина, самоуверенно рассуждал я, то почему вы не боитесь, что пулемет, стреляющий на киноэкране, может ранить и убивать зрителей? Да, я был беспечен и наивен. Сама логика подсказывала, что долго так продолжаться не может. И очень скоро, в унисон с настроениями администрации, на меня дождем посыпались злобные письма радиослушателей и ехидные комментарии обозревателей.

«...В нынешнем году мне исполняется семьдесят шесть лет. Для отдыха врачи прописали

мне дневной сон в течение одного часа. Однако, услыхав такую антинаучную передачу, я почувствовал себя так, будто наступил конец света, я не могу сдержать благородного негодования, от волнения у меня нарушен мой покой, это укорачивает мои дни, и я настаиваю, чтобы вы подвергли свои произведения самой суровой самокритике».

«...Хотелось бы знать, есть ли у господина автора дети? Наши дети мечтают об успешной посадке марсианской ракеты, надежда эта переполняет их сердца. Неужто же автор не испытывает никаких угрызений совести, когда болезненно ранит чистые детские сердца злобными издевательствами вроде передачи „Здравствуй, марсианин!“? Как мать единственного ребенка, обращаюсь к вам с просьбой. Чтобы из этого антипедагогического марсианина поскорее сделали передачу „Прощай“».

Да, я был разбит по всей линии. Нет среди людей существ более жалких и несчастных, нежели те, у кого отсутствует чувство юмора. Передавать для них мою программу было все равно что показывать обезьянам обезьяний цирк. Помнится, у какого-то автора я прочитал: если не можешь насмешить, то остается только либо умереть, либо отомстить... Честное слово, как бы я отвел душу, если бы можно было стрелять по радио из пулемета!

...Однако у меня была семья, которую мне надлежало кормить; это уже была реальность, а не фантазия, и я не мог позволить себе роскошь попусту взвинчиваться.

Я терзался ощущением собственного бессилия, а между тем ракета продолжала мчаться к Марсу со скоростью тридцать километров в секунду, и сам факт ее существования, как зловещий кошмар, отягощал мою душу. Я был загнан в угол и лихорадочно метался в поисках выхода. Как вернуть моему марсианину утраченные позиции? Я готов был для этого на все — на самое позорное соглашение, на обман...

И вот в один такой день я увидел маленькую заметку на последней полосе какой-то вечерней газеты...

«Инцидент с летающими блюдцами, вызвавший вчера вечером панику на Н-ской станции государственной железной дороги, ко всеобщему разочарованию, разрешился известием, что речь шла всего-навсего об игре неоновых огней на рекламной вышке, потонувшей в густом тумане. Некоторые свидетели, однако, утверждают, что огни были видны совсем в другом направлении, и сегодня весь день платформы станции кишили зеваками, число коих в несколько раз превышало обычное число пассажиров. Впрочем, даже специальная комиссия американско-

го сената признала, что, хотя большинство из 20 014 зарегистрированных неопознанных летающих объектов оказалось метеоритами или объяснялось разного рода атмосферными явлениями, все же 1021 случай истолковать невозможно. Наша страна отстала в космическом соревновании, и, если бы нам посчастливилось стать первыми, кто вступил в контакт с инопланетными существами, мы восприняли бы это как большую честь. Если бы летающие блюдца приземлились у нас, мы бы постарались всеми мерами выразить наше дружелюбие, решительно воздерживаясь от опрометчивых поступков...» и так далее.

Кажется, статья эта попалась мне на глаза в электричке, когда я возвращался из радиостудии. У меня вдруг все похолодело внутри, я почувствовал, будто что-то во мне вот-вот взорвется, и принялся вновь перечитывать заметку. Сточки бикфордовым шнуром бежали перед глазами, и, едва я дочитал до конца, с ослепительной вспышкой грянул взрыв. Когда взрывная волна достигла мозга, моя идея приняла отчетливую и ясную форму.

На первой же остановке я выскочил из электрички и бросился к ближайшей телефонной будке. Наверное, мне не следовало пороть горячку. Наверное, надо было вернуться в студию или поспешить домой, чтобы сперва набросать свой план на бумаге. Во всяком случае, сначала следовало тщательно разработать тактику, а потом уже звонить. Но ракета неумолимо мчалась к Марсу, посадка предполагалась меньше чем через три недели, надежд у меня больше не оста-

валось никаких, и мою душу распирало ненадежно загнанное вглубь нетерпение. Да нет, дело было не только в этом. Я буквально гнулся под сладкой тяжестью своей великолепной идеи. Мне не терпелось поскорее щелкнуть по носу нашу чиновничью братию, а пуще всего я хотел успокоить жену и вернуть в семью мир и спокойствие. Ибо несчастна жена, потерявшая веру в мужа, но трижды несчастен муж, утративший доверие жены.

Когда в телефонной трубке отозвался голос моего мучителя, заведующего редакционным отделом, я заговорил каким-то развязным тоном, удивившим меня самого:

— Нашел. Придумал превосходный трюк. На той неделе и начнем. Форма, стилистика — все будет совсем другое... поворот, так сказать, на сто восемьдесят градусов...

— Погоди-ка, — перебил он меня скучающим насморочным голосом. — Ты же знаешь, программа целиком доверена тебе...

— Да нет, вы послушайте сначала. Изменим все следующим образом... Короче, например... Во вступлении ведущий зачитывает письмо, в котором к нам обращаются за советом...

— Что это у тебя так шумит? Электричка, что ли?

— Шумит? Может быть, перезвонить из другого места?

— Послушай, разговор все-таки серьезный, давай как-нибудь без спешки...

— Спешить надо нам обоим, не одному мне. Ракета нас ждать не станет, сами понимаете. Но это ничего, теперь все уладилось. Наш марсианин решительной контратакой склонил чащу победы на нашу сторону. Итак, ведущий зачитывает письмо... Пусть это будет, к примеру, проникновенная мольба некоей добропорядочной матери семейства... Сейчас я вам его прочитаю.

— Прочитаешь? Это что же, настоящее письмо?

— Да нет. Я его только что выдумал. — И я затарабанил без передышки, подделываясь под тон ведущего: «...Мы женаты уже одиннадцать лет. Муж мой всегда был человеком безупречным, добрым супругом, хорошим отцом. Но вот недавно, вернувшись со службы, он заявил, что видел летающее блюдце. С тех пор он стал получать сигналы от людей с этого летающего блюдца. Каждый раз, когда они его вызывают к себе, он уходит даже среди ночи, и бывает, что проводит вне дома многие часы. Я спрашивала его, куда это он уходит, но он ничего не рассказывает, ссылаясь на запрещение людей с летающего блюдца. Не раз я уговаривала его пересмотреть свое поведение, потому что могут быть неприятности по службе, но он велит мне не бес-

покоиться понапрасну и положиться на него, поскольку рано или поздно люди с летающего блюдца вступят в переговоры с правительством и тогда, мол, его назначат на важный пост в переговорной комиссии. И все же я сильно беспокоюсь и часто не сплю по ночам. А теперь он уже сам напускается на меня и грозит, что разойдется со мной, раз я ему не верю. Может быть, мой муж спятил? И еще расскажите, пожалуйста, существуют ли эти летающие блюдца на самом деле?..»

Мне показалось, что на другом конце провода тоненько хихикнули. Ободренный, я набрал полную грудь воздуха и продолжал:

— Окончив чтение, ведущий объявляет, что мы пригласили в студию автора письма, а также нескольких специалистов, с которыми мы консультировались. Они выразили желание задать ряд вопросов... Пусть это будет, например, врач-психиатр, писатель-фантаст, астроном, член комитета по изучению летающих тарелок, сотрудник МИДа... Чем больше, тем интереснее...

— И все, конечно, поддельные?

— Нет, специалисты пусть лучше будут настоящие. Я уже сказал вам, все будет совсем иначе, чем прежде... Одним словом, ставка у нас здесь на то, что всем будет страшно любопытно: как повернется дело дальше? Представляете, какое это будет удовольствие, когда у них развя-

жутся языки! Но истинный гвоздь программы еще впереди. Когда дебаты между нашими приятелями-специалистами начнут смешить публику, пускай снова вмешается ведущий. Так и так, прошу простить, но мы только что получили одно интересное сообщение. Это донесение частного детектива, нанятого присутствующей здесь госпожой... Сударыня, вы не будете возражать, если мы сейчас это донесение зачитаем? После секундного замешательства автор письма застенчиво выражает согласие. И вот ведущий при всем общем внимании зачитывает донесение этого детектива... Как вы полагаете, что в нем такое?

- Ну откуда мне знать...
- Оказывается... — я сделал эффектную паузу.
- Оказывается, здесь замешана женщина!
- Женщина?
- Он нагло обманывал жену. Люди с летающего блюдца были предлогом... на самом деле он таскался к другой женщине.

Я кончил и перевел дыхание. Я ждал, что вот сейчас до меня донесется благожелательный хохот. Но никакого хохота не было, слышался лишь какой-то шорох. Забеспокоившись, я уже раскрыл было рот, чтобы удостовериться, на месте ли мой собеседник, но тут он произнес:

- Позволь, а как же твой главный герой?
Как же марсианин?